

Не просто как отягощающий мужчина, её бывший одноклассник и противник, единственный сын Нарциссы...

Нет, Гермиона видела в нем отца.

В аккуратной и простой рамке, откинутой в сторону, только для его глаз, висела трогательная фотография, на которой он держал на руках новорожденного Скорпиуса. Его растерянный взгляд медленно сменился мягкой улыбкой.

Фотография была такой интимной, такой теплой, такой непохожей на того, каким она его знала. Гермиона повернула голову и увидела еще одну фотографию. Она была сделана совсем недавно. Отец и сын были одеты в черные костюмы, сшитые на заказ, не улыбались, не прикасались друг к другу.

Холодно.

Гермиона встала и заняла место на его диване. Порывшись в сумке в поисках своих исследований, она погрузилась в работу. Ей нужно было выкинуть из головы все лишнее и сосредоточиться на чем-то, что требовало ее полного внимания.

Однако в конце концов Гермионе понадобилось больше пространства, и она разложила свою работу на стеклянном кофейном столике, делая пометки ручкой на распечатанной бумаге и выделяя важные фрагменты, которые требовали дальнейшего изучения.

Она так увлеклась изучением всего, пролистывая статью за статьей, сравнивая их с книгами, которые принесла с собой, что едва не потеряла дар речи, когда вспыхнул флуо и Малфой вышел, словно из ада на землю.

Малфой - уже без очков - был настолько удивлён её присутствием, что остановился на месте.

Его рот открылся и закрылся.

Затем его глаза потемнели. "Что ты делаешь в моем кабинете, Грейнджер?"

Гермиона чуть было не извинилась, но остановила себя. За что извиняться?

"Твоя мама сказала, что я могу поработать здесь, пока она готовит чай. Она сказала, что ты, как всегда, удержишься".

"А сейчас?" Утверждение, а не вопрос. "Я оставила здесь рулон пергамента... для работы".

Неповторимый дискомфорт снова заскрежетал по позвоночнику, когда она начала в спешке собирать свои бумаги в кучу, смешивая то, что хотела сохранить отдельно. Но это не имело значения.

"Я могу уйти". Гермиона мимолетно подумала о фотографиях на его столе и почувствовала себя виноватой за то, что вторглась в его личное пространство. "Я не хотела вмешиваться".

"В этом нет необходимости".

Его слова остановили ее движение, чтобы уйти.

"Я поговорю с матерью позже".

"Похоже, она не думала, что вы будете возражать".

"В этом-то и проблема, Грейнджер. Она не подумала".

Наконец он поднялся со своего места перед камином и прошел через всю комнату к своему столу. Она в молчаливом напряжении наблюдала за тем, как он берет со стола рулон пергамента.

Не оборачиваясь, он спросил таким убийственно серьезным тоном, что она продолжила собирать свои бумаги, потому что к черту все это: "Вы сидели за моим столом?"

Откуда он узнал, Гермиона понятия не имела. Она старалась ни к чему не прикасаться. На мгновение она задумалась о том, чтобы солгать, но решила, что бессмысленно врать тому, кто уже знает ответ, прежде чем задать вопрос.

"Да, но только на секунду. Ваш стол не обеспечил мне необходимого пространства, поэтому я пересел на диван".

Малфой повернул к ней голову, глаза сузились от подозрения. Презрение? "В моем кабинете было все необходимое для того, чтобы вы могли составить обо мне мнение?"

"Мое мнение, Малфой, простое. Я не знаю человека, которым ты стал за последние тринадцать лет, это правда, но то же самое относится и к тебе". Она сделала шаг к нему. "Возможно, не только у меня есть предвзятое мнение."

"А, так вы это признаете".

"Я не боюсь признать свою неправоту". Гермиона пожала плечами и, когда выражение его

лица медленно сменилось чем-то сродни сосредоточенному недоумению, сделала еще один шаг вперед. Потом еще один. "Я никогда не утверждала, что я идеальна, и не ожидаю, что я или кто-то другой будет соответствовать таким невозможным стандартам".

"Это не совсем согласуется с вашей репутацией Светлейшей ведьмы нашей эпохи".

"Моя репутация может быть таковой, но это не совсем то, кто я есть. Это то, кем меня считают другие..." Так же как и ты не совсем соответствуешь своей репутации, чуть было не сказала Гермиона. Но тут же отступила. "Я злюсь и могу быть мстительной. Я могу быть самодовольной и гиперкритичной. Я не стыжусь того, кто я есть, потому что этот человек постоянно развивается. Сейчас я бросаю себе вызов, и не только в отношении твоей матери, но и в отношении тебя". Она сделала паузу, когда брови Малфоя сошлись вместе. "Однако, как я сделала предположения о твоей семье, так и ты сделал их обо мне..."

"И все же я чувствую, что ты хочешь добавить что-то еще". Малфой сложил руки, откинувшись на спинку своего захламленного стола. Его маска притворялась спокойной, но сжатый кулак говорил о волнении.

"Никаких дополнений. Только возможно". Гермиона подняла палец и протянула метафорическую оливковую ветвь. "Возможно, со временем, я надеюсь, мы сможем лучше понять друг друга без осуждения".

Холодный взгляд Малфоя и ехидный вопрос были присущи ему: "И зачем нам это, Грейнджер?"

"Потому что мы взрослые, а не ссорящиеся дети. Из-за твоей матери я буду частью твоей жизни - в некоторых отношениях - до конца ее. Тебе это может не нравиться, но это..."

"Хорошо". Он несколько мгновений пристально смотрел на нее, прежде чем оттолкнуться от стола. Через два шага он оказался прямо перед ней и заговорил голосом, который заставил ее сосредоточиться на нем. "Кстати, о будущем, на будущее: мой кабинет закрыт для посторонних. Для всех".

Малфой вышел так же, как и вошел.

Гермиона простояла в гостиной после долгого первого дня целых тридцать минут, просто моргая от безделья, прежде чем взмахнуть пресловутым белым флагом и созвать экстренное собрание.

В понедельник.

К тому времени, когда Гермиона пришла в не слишком многолюдный паб в Хакни не менее чем через час после того, как отправила запрос через Патронус, Парвати и Пэнси уже были там,

сидя за более тихим столиком у заднего входа. Первую ждал самый несносный фруктово-розовый напиток, а перед второй стояли четыре рюмки. Гермиона скептически оглядела их, прежде чем занять место между ними.

"Я прилетела сюда, а вы оба пытаетесь заставить меня сплинировать, чтобы вернуться домой?" Она осмотрела одну из рюмок, наполненную прозрачной жидкостью. "Это..."

"Русская водка? Да. Две для тебя и две для меня". Пэнси усмехнулась. "Вы уже поели? Я заказала для тебя говяжий веллингтон. Скоро будет".

"Я не ела с обеда". В обед Скорпиус встретил молодую няню, которая привезла его на обед к бабушке, но не осталась. Нарцисса в это время не вернулась с чая, и Гермиона провела десять долгих минут в поединке с пятилетним ребенком.

Он победил.

Она не ожидала его присутствия на трапезе, но он без суеты съел куриный салат, который она ему дала, - салат, помидоры и сыр. Скорпиус осторожно поковырялся в курице. То, что не произошло обратного, было странно, но не ей было об этом задумываться. Гермиона оставила это дело Нарциссе, которая постоянно уговаривала его съесть курицу, когда она приходила на обед.

Но он так и не сделал этого.

"Справедливости ради, - сказала Парвати. "Мы не знали, в каком состоянии ты будешь, когда приедешь. В последний раз ты вызывала скорую помощь в понедельник четыре года назад, когда к тебе приезжал Крам, и у тебя был тот случай".

Гермиона так быстро повернула голову, что смутно услышала "Какого черта?" Пэнси, когда концы ее хвостика ударили ее по лицу.

"Во-первых, я с ним не трахалась". Она струсила. Виктор отнесся к этому спокойно. В конце концов, они много лет были друзьями по переписке. Это не казалось хорошей идеей. "Во-вторых, как ты вообще узнала, что что-то случилось?"

Парвати хитро посмотрела на нее. "Я сложила два и двенадцать".

Гермиона продолжала смотреть на нее, сложив руки.

"Я журналист. Это то, чем я занимаюсь. Ты пошла с ним на ужин, и после этого каждый раз, когда кто-то упоминал о нем, ты отмазывалась". Парвати наклонилась ближе и прошептала: "Это было ужасно?"

"Пэнси, скажи ей..." Гермиона увидела, что другая ведьма тоже с нетерпением ждет ответа. "Неважно. Кто еще едет?"

"Уизли опоздает. Она доставляет детей в Бэрроу, потому что Поттер работает допоздна, и Луна тоже едет. Дафна работает, Падма и Сьюзен все еще в больнице". Внезапно Парвати вспомнила кое-что. "Пэнси, разве ты не должна была пригласить Чо?"

"Упс, я забыла". Пэнси притворно вздохнула. "Какая жалость. Какая жалость".

Гермиона фыркнула, а Парвати закатила глаза и развела длинные волнистые локоны по плечам. "Так почему ты вызвала скорую помощь?"

"Сегодня был мой первый день с Нарциссой Малфой".

Пэнси вздрогнула.

Парвати вздрогнула. "Тебе стоит начать с русской водки".

"Как все прошло?" спросила Пэнси.

"Настолько хорошо, насколько это возможно. Там есть часть, где Малфой..."

"О, черт, ты его видела?" Парвати визжала и хлопала в ладоши, подпрыгивая на своем месте, привлекая внимание мужчины за барной стойкой, который оценивающе смотрел на нее. "Он чертовски хорош собой, да?" Парвати толкнула ее в плечо. "Мне нужны все подробности".

Пэнси пришлось приложить все усилия, чтобы оставить свое мнение при себе, но она промолчала.

"Все детали подпадают под соглашение о конфиденциальности между пациентом и целителем и..."

"Не о твоей работе! А о нем! Он не такой уж непролазный, как я говорила?"

"Дело буквально не в этом, Парвати".

Панси подтолкнула в ее сторону один из бокалов, и Гермиона выпила его одним махом, с трудом сдерживая ожог. Она никогда не была сторонницей крепкого алкоголя, но сегодня это было оправдано.

"Малфой был немного напряжен". Это было преуменьшение. Бывали и менее сильные

стихийные бедствия. Парвати потягивала фруктовое чудовище, внимательно наблюдая за происходящим, а Гермиона потирала шею. "Я не помню, чтобы он был таким. Да, он был занудой, но он..."

"Не только тебя изменила жизнь и обстоятельства, Грейнджер. Думаю, можно с уверенностью сказать, что Драко есть с чем бороться, помимо тяжелого груза обязанностей и ожиданий, которые на него навалились".

"Я понимаю, но..."

"Мы все справляемся с этим по-разному. Драко просто молча переносит это в полном одиночестве".

"Это не преодоление, это избегание".

"Это Драко".

Справа от нее раздался вздох, похожий на взволнованную школьницу. "Неспокойна та голова, что носит корону... или как там говорит Падма, когда ей становится грустно". Парвати щелкнула пальцами. "Черт, надо было использовать эту фразу для его характеристики!"

Гермиона закатила глаза, когда Пэнси опрокинула в себя вторую рюмку. Если она и почувствовала ожог, то никак этого не показала.

"Хорошая цитата, но Драко не король, - сказала Пэнси.

Нет, он просто один человек".

Драко и Гермиона в этой истории будут сталкиваться и переоценивать друг друга, они будут добиваться успехов и терпеть неудачи, они будут принимать непопулярные решения, которые читатель мог бы не принять сам, потому что мы не все думаем одинаково, и это вопрос перспективы. У Гермионы другая перспектива. Я рисовал ее характеристику, исходя из того, кем она могла бы стать, основываясь на книжном каноне (не столько на киношном, поскольку у нее нет шрама Мадблад) и обстоятельствах, которые произошли до начала этой истории. Травма меняет людей и принимает разные формы. Она может заставить кого-то пересмотреть свой жизненный выбор, но может и сделать кого-то более смелым, чтобы избежать повторения ошибок. В любом случае, мне понравилось писать Драко здесь и быть первым человеком, который действительно заставил Гермиону сказать: "Вот дерьмо. Я не права". И что, она сразу же развернется на 180 градусов? Нет, потому что люди так не поступают. Изменения - это медленный процесс, который эти два неполноценных персонажа будут проходить по мере развития этой истории.

<http://erolate.com/book/4183/122901>